

1

Ещё один кошмарный вторник

Вторник, три часа. Мисс Крабб обстоятельно ковыряла в носу. Она копалась длинным острым пальцем в ноздре и выкопывала оттуда отвратительные зелёные козявки.

Элси Харт смотрела на неё в ужасе и омерзении. Вроде и не хотелось смотреть, а глаз не отведёшь.

— Ну?! Что вылупилась, маленькая дрянь? — обрушилась на неё мисс Крабб, поймав взгляд Элси. — Уже и в носу спокойно поковырять нельзя? Сию минуту марш в подвал с веником, набери там мышиного помёта. Сгодится в хозяйстве — подсыпать в суп. Пошевеливайся!

Элси как ветром сдуло. Она жила у мисс Крабб всего год, но уже хорошо усвоила: перечить ей опасно. Мисс Крабб приходи-

лась Элси тёткой. Характер у неё был прескверный, и всегда имелся в запасе длинный список тошнотворных поручений, которые она взваливала на племянницу.

Жили они вовсе не в собственном доме, как обычные люди, нет: мисс Крабб состояла в главных поварах школы-интерната и помещалась в тесной чердачной каморке под самой крышей. Когда Элси попала на попечение к тётке, в каморке места для девочки не сыскалось и пришлось ей ютиться в шкафу. Да, драгоценный мой читатель, именно так — в шкафу! Ты прав, я тоже считаю, что это ужасно несправедливо, а также неудобно.

Спать в шкафу само по себе маленькое удовольствие, так ещё и школа-интернат оказалась хуже некуда. Полностью она именовалась Пандоро-Панталонская школа звёздных задавак, учили в ней всяким сценическим искусствам, и, поверь на слово, это было жуткое заведение. В школу тебя принимали, только если ты был настоящим воображалой и задавакой или же у тебя имелись богатенькие родители.

В Пандоро-Панталонской школе в своё время отучились все без исключения кинозвёзды, телевизионные знаменитости и рекламные модели — десятки и сотни воображал и задавак. А среди теперешних её учеников попадались такие экземпляры, что противнее некуда. Куда противнее мышинового помёта. Тебе не понравилось бы в Пандоро-Панталонской школе звёздных задавак, мой милый читатель. Если, конечно, ты сам не задавака. Нет? Я почему-то уверена, что ты не задавака. Вот и Элси Харт была не из таких.

Элси была щупленькой и ещё застенчивее тебя. Глаза у неё были зелёные, а волосы тёмные, кудрявые и такие непослушные, что никакая щётка и заколки их не брали. Вот такой была Элси. Лет до десяти она жила вполне по-человечески, а потом разлилось наводнение, её мама и папа пропали без вести, а она очутилась на попечении злой тётки-поварихи.

— Мышиный помёт, побольше мышинового помёта, — бормотала себе под нос Элси, спускаясь в тёмный подвал. — И как только ей это

с рук сходит! Ведь она всё время сыплет в еду на кухне разную пакость. Вот вредная старуха!

Элси сделала шаг-другой в крошечной тьме, нашаривая выключатель, и больно ушибла коленку о сырую стену. На глаза у девочки навернулись слёзы, но она сдержалась и не расплакалась.

Потом Элси зажгла свет и оглядела сырой вонючий подвал, где со стен капала вода. Взяла веник и принялась как можно медленнее подметать. Было слышно, как наверху, в кухне, беснуется мисс Крабб, с грохотом швыряя кастрюльки. Нет уж, Элси совсем не торопилась наверх.

— МЕЛКИЕ ПОГАННЫЕ ПАРАЗИТЫ! — орала мисс Крабб во всю глотку. — И Я, Я ВЫНУЖДЕНА КУХАРИТЬ НА ЭТУ ОРАВУ МАЛОЛЕТНИХ ГАДЁНЫШЕЙ!

Что-то громко разбилось вдребезги.

Мисс Крабб люто ненавидела всех учеников Пандоро-Панталонской школы задавак. Впрочем, свою племянницу Элси она тоже ненавидела. А если бы старухе случилось повстречать тебя, читатель, ручаюсь: она и тебя бы невзлюбила. Мисс Крабб на дух

не переносила детей как таковых и потому всячески старалась отравить Элси жизнь.

Едва Элси поселилась у тётки, та тотчас отвела ей самый грязный, липкий и тёмный кухонный угол, поручила самую чёрную работу и вдобавок нагружала разными тяжёлыми и противными заданиями по уборке в школе. Элси не смела и слова пикнуть. Как ты уже знаешь, Элси была куда застенчивее тебя, и к тому же родители приучили её вести себя вежливо. А потому бедняжке некуда было деваться: она безропотно скребла грязные кастрюльки, разгоняла кухонных тараканов и наблюдала, как мисс Крабб стряпает самые несъедобные и отвратительные блюда на свете. Если тебе, милый читатель, случалось когда-нибудь попасть в безвыходное положение и держаться тише воды, ниже травы, то ты представляешь себе, каково приходилось Элси. Но, покорно сметая мышиный помёт в тёмном сыром подвале, девочка знать не знала, что вскоре её жизнь переменится.

2 ШКОЛЬНЫЕ закоулки

На следующее утро Элси проснулась спозаранку и затаилась у себя в шкафу. О, как ей хотелось очутиться где угодно, лишь бы не в Пандоро-Панталонской школе задавак! Спать в шкафу было тесно, так что шея у Элси болела, а по ногам ползали муравьи. Нет, не мурашки, именно муравьи: они водились на черда-

ке. Элси съёжилась, снова зажмурилась покрепче и попыталась вспомнить лица мамы и папы. Но куда там! Она не помнила даже страшное наводнение, погубившее родителей. Просто однажды вечером Элси уснула, а когда проснулась — над её кроватью стояла мисс Крабб. Она то и сказала, что родителей больше нет и что отныне Элси будет жить при школе задавак.

— Ненавижу, ненавижу эту школу! — прошептала Элси, смахнула с ноги муравья и задумалась, как бы сбежать из интерната.

О побеге она мечтала с утра до ночи. Но школа располагалась на отшибе, в тупике пустынной дороги, и повсюду, куда хватает глаз, не было и признака другого жилья. Элси понятия не имела, где именно находится школа, но одно она знала твёрдо: поблизости нет ни единой живой души, которая бы взялась ей помочь.

Элси собралась с духом и решила вставать, но тут услышала громкий скрип и треск.

Она боязливо выглянула из шкафа и увидела, что это мисс Крабб занялась утренней аэробикой. Для этого тётка облачалась в поеденный молью купальник и леопардовые лосины. Непричёсанные волосы торчали у неё во все стороны, а беззубый рот энергично шамкал — челюсть мисс Крабб ещё не вставила. Элси вся сжалась, потому что тётка высоко задирала ноги. Жёлтая заскорузлая пятка едва не въехала девочке в нос.

Но хуже всего был запах. Предаваясь утренней зарядке, мисс Крабб неизменно потела и портила воздух.

Элси зажала нос и метнулась в ванную. Там она открыла оба крана, и в старинную чугунную ванну побежала вода. Правда, вода была чуть тепловатой, но Элси могла лежать в ванне часами, мечтая о том, как ванна улетит и унесёт её прочь и больше никогда-никогда не придётся мыть кастрюльки. Ещё Элси мечтала, что родители всё-таки найдутся и заберут её домой. Или, на худой конец, что тётка увлечётся выпиливанием лобзиком вместо аэробики и перестанет так топтать, скакать и вонять по утрам.

Увы, ни одно из мечтаний Элси пока не сбылось. Никто не спешил ей на помощь, и, что гораздо хуже, девочку никогда не выпускали за двери интерната. НИКОГДА. Потому-то она и не знала в точности, где он расположен и как сбежать.

Ты только представь, каково это: вечно сидеть взаперти, даже когда за окном сияет солнце, и в доме душно, и хочется на волю!

Когда-то, едва оказавшись в школе, Элси спросила тётку:

— Мисс Крабб, почему мне нельзя пойти поиграть на улице?

Школу задавак окружал густой запущенный сад, и все ученики с визгом носились и резвились под вековыми деревьями. Похоже, им было весело, но Элси тётка выходить запретила.

— Сиди дома. Это для твоего же блага, — сказала мисс Крабб, нарезая крысиные хвосты для бульона. — Ты, бедняжка, не знаешь, но у тебя аллергия на свежий воздух.

— Что-о-о? — недоверчиво протянула Элси. — В жизни у меня не было никакой аллергии на свежий воздух. Её вообще не бывает. Ни у кого.

Мисс Крабб с размаху воткнула здоровенный кухонный нож в разделочную доску. Доска едва не раскололась. Тётка злобно уставилась на Элси.

— Ну так вот у *тебя* такая аллергия есть, — отчеканила мисс Крабб и яростно шмыгнула носом. — Если не хочешь поме-

реть — сиди взаперти и не смей совать нос наружу.

— Но мисс Крабб, я же раньше играла на улице... — робко возразила девочка, но тотчас осеклась. Неужели и правда в её жизни были уличные забавы? У Элси почти не осталось воспоминаний о прошлом — так, какие-то смутные клочки и обрывочки. — То есть мне кажется, что когда-то

играла. Я не очень помню... — На этом она умолкла.

— Во всём виновато наводнение. — Мисс Крабб вновь застучала ножом, нарезаая хвосты. — У тебя тогда с перепугу память отшибло, так что уж лучше поверь мне на слово.

Нож так и мелькал в воздухе.

Элси в недоумении таращилась на тётку.

— Что ты бездельничаешь? Ну-ка быстро за работу! — прошипела мисс Крабб.

Сам видишь, милый читатель, как ужасно жилось бедной Элси. У неё была лишь одна близкая душа. Лишь один доверенный друг во всей школе. Да что там — единственный друг на всём белом свете!..

3

Единственный друг Элси

Дружили они тайком. Единственного друга Элси звали Рори Сниттер. Да, он числился учеником Пандоро-Панталонской школы звёздных задавак, но учился скверно: задаваки из него не получалось. Вообще-то Рори был изрядный нытик, но зато только он во всей школе и улыбался Элси. Однажды, когда тётка гналась за девочкой,

грозя ткнуть её шпилькой для волос, Рори показал Элси потайное убежище. С тех пор мальчик и девочка подружились и каждое утро встречались в этом самом убежище, о котором знали только они.

Элси на цыпочках пересекла необъятный главный вестибюль школы. Тут имелись великолепная парадная лестница и гигантский камин — хоть брёвнами топи. На стене висел огромный портрет знаменитой Пандоры Панталон, основательницы школы. На портрете Пандора щеголяла бальным платьем, зелёным и аляповатым, и зазывно выпячивала губы. Элси всегда передёргивало, когда она проходила мимо портрета. Ещё раз её передёрнуло, когда она миновала тигровую шкуру, растянутую на стене. Директор школы, профессор Дуткинс, обожал охоту (когда не был занят преподаванием, а преподавал он всегда громовым голосом). По стенам вестибюля красовались его охотничьи трофеи — всякие там чучела сов и олени рога.

Элси крадучись пробралась в актовый зал: здесь, на сцене, звёздные задаваки показы-

вали свои номера и целые концерты. А под сценой и находилось потайное убежище.

Рори Сниттер уже подждал Элси.

— Ну что, Краббиха опять аэробика изобразала? Фу! Брр-р! — сказал Рори, когда увидел, с каким бледно-зелёным лицом Элси вползла под сцену. Он мигом определил, в чём причина.

— Ой, она такая противная, сил моих нет! — прошептала Элси. — Тебе-то хорошо, тебя родители домой заберут в конце семестра...

— Забрать они заберут, но... — Рори поморщился, — радости от этого тоже мало. Пока я дома на каникулах, они уезжают отдыхать, а меня стережёт наш дворецкий. Он строгий.

— Всё равно лучше, чем сидеть в заточении тут, — уныло сказала Элси.

— Что да, то да, — вздохнул Рори. — Представляешь, меня в этом семестре записали на Коррекционную Чечётку. Кошмар. Вот у Тима Блёскинса она получается. У него за танцы куча всяких наград и медалей!

Элси посмотрела на Рори: волосы аккуратно причёсаны, школьный пиджак с иголочки, туфли новенькие, в кармане пиджака блестящая ручка. А всё-таки жаль его. Стараётся, стараётся, но артиста из него не выходит — где ему до прочих звёздных задавак.

Тебе следует знать, дорогой читатель, что в школе звёздных задавак не учили ни правописанию, ни арифметике. Там преподавали совсем другие предметы, например Сценозакатывание, Основы Вниманиепривлечения, Самовосхваление, Хвастовство базового и продвинутого уровня, Танкопробивная Настырность, Публичный Выпендрёж и многое другое. Вспомни самого противного из своих одноклассников. Самого хвастливого, напористого и заносчивого воображалу. Вспомнил? А теперь умножь этак в миллион раз — и получишь некоторое представление о том, каковы были юные звёздные задаваки!

Элси и Рори молча сидели под сценой. По руке у Рори карабкалась ящерица по кличке Кусака — вверх-вниз, для соб-

ственного развлечения. Кроме Элси, Рори дружил только с Кусакой. С виду ящерица была прехорошенькая, но нрава самого вредного и кусалась будь здоров.

В прошлом году один из звёздных задавак засунул ящерицу за шиворот директору школы. Не просто так сунул, а когда изображал фокусника на школьной сцене. Профессор Дуткинс верещал как резаный и скакал как ошпаренный, и все задаваки катались от хохота и твердили, что в жизни не видели такой потехи.

Элси протянула к Кусаке руку, затем передумала. Уж она-то знала, какие у ящерицы острые зубки.

— Скажи, а дома у вас как было? — вдруг спросил Рори. — Я про то, где ты жила с мамой и папой.

Элси глубоко задумалась. Зажмурилась, пытаюсь хоть что-нибудь припомнить.

— Мы жили в Пряткинге, в квартире над кондитерским магазином, — сказала она наконец. — То есть я знаю, что мама с папой торговали сладостями. Я даже вроде как помню, что они сами изготавливали конфеты. Ой, вспомнила, вспомнила! У нас была специальная ирисочная машина с прозрачной крышкой. Громадная — почти с меня ростом.

Элси зажмурилась ещё крепче, но больше ничего вспомнить не сумела. Она понурилась, и сердце у неё защемило от тоски. Лица родителей расплывались в её памяти, зато она хорошо помнила, как было уютно обнимать маму. Какого цвета у мамы были глаза и волосы, Элси забыла, помнила только запах карамели и корицы. Но Рори